

Москва, Москва
1987-19 апр.

1 2 3 4 5 6

РАСПРЯ ИЗ-ЗА БУЛГАКОВА

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА

ИЗВЕСТНО, что левая критика резко напала на М. Булгакова за его «Дни Турбиных». Писателя обвиняли в «примиренчестве» к классовому противнику, в апологии «белого дела». А как же приняли «Дни Турбиных» на той стороне, в белоэмигрантском лагере? Спектакль был поставлен во многих эмигрантских центрах — в Берлине, Париже, Праге, Харбине и др. И везде, по словам берлинского «Руля», «страстолюбцы, живые осколки разбитой России» «остро переживали прежние разочарования».

Об этом Булгаков, вероятно, знал, но, наверняка, он был бы крайне удивлен, если бы ему стало известно о том, какую непосредственно политическую роль в белой эмиграции сыграли «Турбины». Об этом 60 лет спустя поведали обнаруженные недавно архивные документы...

В начале октября 1928 г. пред-

ставитель белогвардейского Российского общевойскового союза (РОВС) в Берлине генерал А. Лампе направил своему шефу, генералу А. Кутепову, в Париж конфиденциальное письмо. В нем он докладывал, что имел секретные встречи с бывшим украинским гетманом П. Скоропадским (германским ставленником 1918 года), который предложил РОВСу сотрудничество «в случае, если придется действовать». В связи с этим Лампе просил у Кутепова указаний, поскольку выступивший за «единую и неделимую Россию» РОВС отвергал «самостийничество» тех, кто группировался вокруг Скоропадского. 10 октября в ответе Лампе Кутепов рекомендовал поддерживать отношения со Скоропадским и выражал готовность встретиться с ним лично.

Вот в эту намечавшуюся политическую сделку «бывших» и ворва-

лись «Турбины». Спектакль состоялся в субботу 27 октября в берлинском «Новом театре» (сбор шел в пользу Комитета нуждающимся студентам-эмигрантам), а через три дня Лампе получил от «гетмана» весьма раздраженное письмо. Он запрашивал, что именно в «Днях Турбиных» говорилось о нем и «в каких выражениях».

2 ноября Лампе получил новое письмо. Теперь Скоропадский не скрывал своего гнева. «Картина спектакля мне ясна,— писал он.— В льесе пытаются показать, с одной стороны, безнадежность белого движения, с другой — осмеять и смешать с грязью гетманство 1918 г., в частности меня».

Ничего не скажешь, «гетман» точно определил основной замысел Булгакова! Дальше Скоропадский делал практические выводы: поскольку Лампе, будучи официальным представителем военных эмигрантских организаций в Бе-

рлине, присутствовал на спектакле и даже помогал его постановке, он, Скоропадский, объявляет всякие отношения между ними оконченными.

Сохранился длинный, в несколько страниц, ответ Лампе. По содержанию он настолько резок, что сам автор так и не решился его послать и ограничился отправкой своего рода резюме этого письма. Лампе ставил Скоропадскому в вину его «самостийничество» еще в 1918 году, которое якобы мешало распространению «белой идеи» на Украине, а теперь проясняется и здесь, в эмиграции, где так необходима сплоченность всех антисоветских сил.

В своем дневнике Лампе с грустью констатировал, что ссора и конфликты в среде белоэмигрантов стали хроническим явлением: ранее поссорились с генералом Бермонт-Аваловым (одним из бывших белогвардейских главарей

в Прибалтике), который обвинял представителей РОВСа в шпионаже в пользу Франции; разошлись с генералом Деникиным, отказавшимся участвовать в издании «Белого дела», начатом еще его «врагом» Врангелем. Теперь вот конфликт со Скоропадским...

16 ноября Лампе вновь конфиденциально сообщил Кутепову: обстановка «вносит перемены в то дело, что я вам доносил о Скоропадском». К этому сообщению он приложил копии всей переписки со Скоропадским по поводу «Дней Турбиных» и запрашивал дальнейших указаний. Через неделю Кутепов ответил, что не выражает особых сожалений в связи с тем, что «эта линия прерывается».

Давно отшумевшая жизнь... Теперь только архивы да скромные памятники на кладбищах Праги, Белграда, Парижа напоминают о ней.

Булгаковские «Дни Турбиных» были пьесой, правдиво рассказавшей о суровых годах гражданской войны. А небольшой эпизод, о котором поведали архивные документы, лишний раз подтверждает, что правда искусства всегда служит правому делу.

Генрих ОРЛОВСКИЙ.